

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

**ИННОВАЦИОННАЯ
МИССИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО УКЛАДА –
ПОТРЕБНОСТЬ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ¹**

А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин

Раскрыты сущность и содержание модернизации, выделяются ее формы и особенности. Применительно к социально-экономическому развитию обоснованы теоретико-методологические подходы к оценке конечного результата модернизации, в качестве которого предложено использовать индекс человеческого развития.

Ключевые слова: модернизация, институты социально-экономического развития, роль человеческого фактора в модернизации, результат модернизации, индекс человеческого развития.

**КУРС НА МОДЕРНИЗАЦИЮ –
ЗАКОНОМЕРНАЯ РЕАКЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА МИРОВОЙ КРИЗИС
И ИМПОРТНО-СЫРЬЕВУЮ
ЗАВИСИМОСТЬ**

Мировой экономический кризис, охвативший практически все страны мирового со-

© Татаркин А.И., Татаркин Д.А., 2011 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы РАН № 29 «Закономерности формирования и функционирования саморазвивающихся экономических систем на основе использования передовых организационных и управленческих технологий» (научные руководители – академики РАН А.Д. Некипелов и А.И. Татаркин).

Статья публикуется с любезного согласия редакции журнала «Экономика региона»..

общества, стал серьезным предупреждением российскому правительству о том, что нашей стране необходима серьезная корректировка экономического курса общественного развития. Кризис достаточно ощутимо ударил по темпам экономического развития (падение производства по отдельным отраслям достигло 13–15,7%), производству ВВП (произошло снижение на 9,0–13,4%), занятости, доходам населения (особенно среди тех, чьи доходы находятся на рубеже прожиточного минимума). Кризис показал, что требуется серьезный анализ причин слабой защищенности населения и нужна трезвая и взвешенная оценка возможностей корректировки социально-экономического курса общественного развития на ближайшие годы и стратегическую перспективу (Набиуллина, 2010, с. 3–5).

Это необходимо сделать оперативно, по «горячим следам» затухающего кризиса, поскольку со временем мрачные кризисные будни начинают восприниматься как что-то далекое, «неприятное и нереальное». И «пока гром не грянет», будем успокаивать друг друга растущими ценами на сырье, наполнением Стабилизационного фонда и надеждой, что очередной кризис пройдет мимо нас или высоко над нами...

Нет! Очередной кризис, какую бы форму он ни принял, с какой бы сферы деятельности он ни начался, – нашу страну он не обойдет, хотя бы потому, что экономика России стала полноценной частью мировой глобализирующейся системы со всеми достоинствами и издержками этого процесса. И любой сбой в любом звене этой системы неизбежно приведет к сбоям в функционировании всей системы (Татаркин, 2011, с. 13–17).

Остается одно средство защитить общественное развитие России от пагубных последствий мировых кризисов – выявить слабые звенья национальной социально-экономической системы и принять меры к повышению их устойчивости к кризисным сбоям мировой глобализирующейся системы. Следует воспользоваться тем, что мировой кризис обнажил наиболее слабые звенья в рос-

сийском общественном развитии, необходимо серьезно проанализировать их и разработать действенные меры по их устранению.

Наиболее слабым звеном общественного развития России обоснованно считается ее углубляющаяся зависимость от *экспорта* сырья и *импорта* оборудования и продовольствия, обусловленная крайне нерациональной и неэффективной видовой и отраслевой структурой экономики (Кучуков, 2010, с. 4; Сухарев, 2010, с. 86–92). На разных общественных уровнях ведется много разговоров об опасной зависимости от экспорта сырья (Модернизация России..., 2010, с. 105–117; Реструктуризация..., 2009, т. 1, с. 12–21), но, к сожалению, мало делается для исправления ситуации и осуществления хотя бы «мягкой» и поэтапной реструктуризации отечественной экономики.

Согласно прогнозу социально-экономического развития на 2010–2012 гг., подготовленному Минэкономразвития России, предусмотрен опережающий рост производства машиностроительной продукции при весьма противоречивом изменении доли машиностроения к 2012 г. (табл. 1).

Приведенная динамика показывает противоречивый процесс структурных трансформаций в российской экономике. *С одной стороны*, если прогнозные оценки топливно-энергетического комплекса (ТЭК) на 2012 г. сравнить с 2009 г., станет заметно незначительное снижение его доли в общем объеме производства. За этот же период несколько возросла доля отраслей инвестиционного спроса и машиностроения. Но, *с другой стороны*, эта тенденция вызывает особое беспокойство: если сравнить прогнозы на 2012 г. с реалиями 2008 г., то первоначальные оценки окажутся не такими уж радужными. ТЭК увеличил свою долю с 40,1 до 42,1%, отрасли инвестиционного спроса снизили долю с 18,9 до 17,4%, т.е. на 1,5 п.п., а машиностроение – на 0,5 п.п. Остальные отрасли также изменили свои позиции: металлургия снизила долю на 0,8 п.п., химическая увеличила на 0,1 п.п., потребительский сектор – на 1,0 п.п. за счет

Таблица 1
Динамика структурных изменений в промышленности России в 2008–2012 гг., %

Отрасль	2008	2009	2010	2011	2012
Промышленность	100	100	100	100	100
Топливо-энергетический комплекс	40,1	44,3	44,1	43,3	42,1
Потребительский комплекс	12,1	13,3	13,3	13,3	13,1
В том числе:					
легкая промышленность	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
пищевая промышленность	11,4	12,5	12,6	12,5	12,4
Отрасли инвестиционного спроса	18,9	15,1	15,4	16,2	17,4
В том числе машиностроение	14,5	11,6	12,1	12,8	14,0
Отрасли промежуточного спроса	27,0	25,8	25,6	25,7	25,9
В том числе:					
химический комплекс	7,2	7,1	7,2	7,2	7,3
металлургия	14,1	13,1	13,0	13,2	13,3

пищевой промышленности. По оценкам специалистов (Сенчагов, 2010, с. 34–35), объем производства машин и оборудования, транспортных средств и станков, пищевых продуктов, текстильных и швейных товаров, обуви и изделий из дерева, химической продукции и некоторых других промышленных изделий в 2010 г. не достиг уровня 1991 г.

Неспособность отечественного производства обеспечить потребности модернизации необходимым оборудованием и товарами вынуждает увеличивать их импорт (табл. 2). По официальным оценкам, до настоящего времени за счет импорта удовлетворяются 45% потребностей в продовольствии, 80–85% – в лекарствах и медицинском оборудовании, 80% – в одежде и обуви, около 100% – в бытовой технике, более 60% – в инновационных товарах и оборудовании (Татаркин, Романова, 2007, с. 31; Сенчагов, 2010, с. 36).

Конечно, можно возразить, что импорт машин и особенно оборудования сопровождается заимствованием новых технологий и рассматривается как догоняющий вариант развития. И с этим аргументом трудно поспорить. Однако существуют три аргумента, которые позволяют поставить под сомнение данное возражение.

Во-первых, если задача, поставленная российским руководством, – достичь до

2020 г. такого уровня экономики, чтобы попасть в число пяти ведущих экономик мира, не является очередной политико-идеологической риторикой, то осуществлять модернизацию необходимо преимущественно российскому населению, опираясь на отечественные производственные, финансово-кредитные возможности и используя импорт оборудования как необходимую, но крайнюю меру.

Во-вторых, государственные меры поддержки отечественных производителей машин, станков, оборудования, электротоваров, продовольствия, лекарственных препаратов и других импортозамещающих товаров могут стать реальным началом модернизации, способом начать превращать слова и призывы в реальные дела. Эти меры позволят оптимизировать структуру экономики в пользу отраслей инвестиционного спроса, расширить внутренний спрос на отечественные товары и подключить к социально-экономическому развитию наиболее эффективные и инновационно-ориентированные институты и механизмы.

В-третьих, в сложившейся ситуации сбои в экспортно-импортных процессах могут весьма болезненно отражаться на социально-экономическом развитии России и ее статусе в мировом сообществе. Такое уже не один раз случилось в российской практике (Глазьев,

Таблица 2
Чистый экспорт и импорт товаров и услуг в экономике РФ, в действующих ценах, трлн руб.*

Показатель	2007	2008	2009	2010	2013	2013 к 2007, %	2013 к 2010, %
ВВП	33,1	41,7	39,0	45,2	61,9	187,0	136,9
Экспорт	10,0	12,9	–	12,8	15,0	150,0	118,0
% к ВВП	35,2	30,3	–	28,4	24,3	–10,9**	–4,1**
Импорт	7,2	9,1	–	9,4	13,0	180,6	138,3
% к ВВП	21,7	21,9	–	20,7	21,0	–0,7**	0,3**
Чистый экспорт	2,8	3,8	2,9	3,5	2,0	71,4	57,0
% в ВВП	8,7	9,2	7,3	7,7	3,3	–5,4**	–4,4**
Экспорт к импорту	139,6	129,3	–	136,0	115,0	–24,6**	–21,0**

* Согласно прогнозам социально-экономического развития РФ на 2011–2013 гг., разработанным Минэкономразвития России (Татаркин, 2011, с. 16–17).

** В процентных пунктах.

2011, с. 39–41), но раньше очаги «сбоев» удавалось гасить за счет средств Стабилизационного фонда (Фонда развития), от которого к данному моменту уже ничего не осталось, кроме средств Фонда будущих поколений. Попытка властных структур удерживать баланс на неустойчивой конъюнктуре мировых цен на энергоносители, расширяя (сохраняя) импорт и не принимая мер к расширению экспорта высокотехнологичных товаров, удерживая отечественных товаропроизводителей «на коротком поводке» «макроэкономических ограничений» (налоговых, кредитных, таможенных, тарифных и др.), чревата серьезными последствиями.

Повторяющиеся сбои в экспортно-импортном балансе – признак серьезного «заболевания» общества, которое можно сравнить с аритмией сердца у человека. Подобные «болезни» лечатся двумя способами: либо *подключается внешний регулятор ритма* (внешние займы, приватизация, режим экономии, урезание социальных программ и др.), либо *проводится серьезная хирургическая операция, восстанавливающая рабочий ритм главного органа* (приоритетное развитие реального сектора, создание условий для развития предпринимательства, разумный протекционизм и др.). Другого варианта пока специалисты не знают. Ни в медицине,

ни в области экономики и общественного развития.

Инновационный сектор экономики, не обращая внимания на политические призывы и принимаемые меры весьма сомнительного и ограниченного характера (создание научного центра в Сколково, формирование альтернативной РАН структуры на базе Курчатовского института, шумные восторги и надежды на инновационный бум вокруг создания Роснано и др.), продолжает функционировать в замедленном режиме.

Падает доля инновационной и высокотехнологичной продукции в российском экспорте: если, по оценке Минэкономразвития России, в 2008 г. она составила 7,4% внешнеторгового оборота, то в 2009 г. этот показатель снизился до 6,9%, а по итогам 2010 г. он не дотягивает до 7% (Сусаров, 2010, с. 3). Закреплению сырьевой зависимости также способствуют факторы политического, законодательного, административного и теоретико-методологического характера. Приведем наиболее значимые. О несовершенстве законодательства в части инновационного развития говорят и пишут многие (Татаркин и др., 2009, с. 23–27; Тодосейчук, 2010, с. 32–37). Да и делается немало (см. список мер (Лесков, 2010, с. 6). Однако проблема заключается в том, что *одним законодательством,*

без изменения всей системы макроэкономических и политических условий, инновационный процесс ускоренно развиваться не может!

Инновационное развитие российской экономики сдерживают административные, и прежде всего таможенные, барьеры. Их особенно трудно преодолеть инновационным товарам высокой степени переработки с возрастающей долей добавленной стоимости. Большая часть этих товаров относится к продукции военного или двойного назначения, за экспортом которой государственные структуры следят особенно строго, а процедура снятия ограничения растягивается на годы и требует «серьезных расходов» (от 30 до 60% суммы экспорта) (Сусаров, 2010, с. 3).

Медленно и часто противоречиво совершенствуются макроэкономические и политические условия инновационного развития. Основная причина подобной медлительности заключается в серьезной «зацикленности» политического, макроэкономического и социально-экономического курса общественного развития России на догмах и постулатах либерально-рыночной теории. Мировой кризис не только выявил слабые стороны либерально-рыночного сценария общественного развития, но и побудил многие страны серьезно повысить роль государства в регулировании процессов социально-экономического и общественного развития. Однако российское политическое руководство осталось на прежних либерально-рыночных позициях. В то время когда лидеры мирового развития расширяют финансирование фундаментальной и прикладной науки, принимают меры к повышению инновационной (новаторской, инициативной, предприимчивой) подготовки специалистов, российское руководство снижает расходы на науку и продолжает экспериментировать с общеобразовательной и высшей школой в интересах «минимизации бюджетных расходов» (Гонтмахер, 2010, с. 4; Глазьев, 2011, с. 3–11).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Незащищенность общественного развития России объясняется не только внешними, но и внутренними факторами, и прежде всего *чрезмерной концентрацией социальных обязательств государства перед населением на федеральном уровне власти*. В истории развития человечества идея выстроить жесткую вертикаль власти, когда все будет зависеть от «воли и желания» федерального руководства, встречается часто, причем в разных формах. Но история свидетельствует, что подобные институты возникают и эффективно действуют лишь для решения какой-либо важной национальной или общественной задачи (объединения народов, сохранения государства, нейтрализации сепаратизма, закрепления передового экономического уклада). И по мере решения такой задачи давление чрезмерного централизма, как правило, ослабевает в пользу развития демократических и особенно федеративных форм воздействия на социально-экономическое и общественное развитие. Не только федеральный центр, но и регионы, муниципальные образования, отдельные группы населения и граждане могут и обязаны (по справедливому утверждению специалистов) подключаться к обсуждению стратегии и приоритетов развития, обеспечивать их реализацию в пределах своих конституционных полномочий (Ореховский, 2010, с. 47–50; Глазьев, 2011, с. 8–9; Модернизация России..., 2010, т. 1, с. 107–112; Татаркин и др., 2009, с. 3–27).

Обещанное федеральным руководством приоритетное развитие образования (Указ № 2 Президента РФ от 11.07.1991 г. «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР»), доведение финансирования фундаментальной науки до 4% расходной части бюджета, повышение размеров пенсий населения до 40% среднего заработка начало выполняться в 2010 г., когда норматив был уве-

личен до 37%, однако в бюджете 2013 г. оно планируется на уровне 35,8% (Дмитриева, 2010, с. 4).

Серьезным ограничением доходных статей населения остается безконтрольное ежегодное повышение цен на товары и услуги, которое «вымывает» из скудных бюджетов россиян символические подачки власти. Рост цен и тарифов на товары и услуги государственных корпораций, вводимые ограничения по оплате больничных листов, отказ от государственного финансирования медицинских учреждений и «подталкивание» их к расширению платных услуг населению обрекают большую часть населения и агентов рынка на пожизненную нищету.

Региональные и муниципальные власти не в состоянии изменить ситуацию, поскольку выстроенная вертикаль власти сконцентрировала большую часть социальных полномочий (более 65%) на федеральном уровне. Более того, обладая возможностью в рамках ограниченных полномочий влиять на социальные процессы, они не имеют финансовых возможностей сделать это, поскольку бюджетный процесс законодательно и организационно выстроен в пользу федерального центра. По расчетам специалистов, от 64 до 67% всех поступлений в бюджеты всех уровней приходится на федеральный бюджет. Не случайно 70 субъектов РФ из 83 (т.е. 84%) вот уже более 10 лет являются хронически убыточными. В них проживает 74,2% населения страны, они охватывают 87% территории России (Балацкий, Екимова, 2010, с. 103).

Следуя логике либерально-рыночного курса, российское государство не просто «уходит из экономики», отказываясь от регулирования цен и тарифов на жизненно важные товары и услуги или повышая их в интересах государственных корпораций и олигархических структур. Государство минимизирует свое участие в развитии социально значимых сфер и поддержании социального благополучия в общественном развитии. Российское государство уходит от ответственности за социально-экономическое и общественное развитие,

громко хлопнув либерально-рыночной дверью, оставляет незащищенными от атак спекулятивного и олигархического капиталов население и большинство агентов рынка, но обезопасив себя навязанными обществу правовыми (законами и привилегиями), организационно-политическими (вертикаль власти, выборы по спискам) и производственно-финансовыми (госкорпорации) институтами защиты, а не развития. Да и модернизация нынешней власти нужна настолько, насколько она поможет обезопасить и защитить ее от российского населения.

Неслучайно в интервью одного из авторитетных специалистов российской модели либерально-рыночного развития А.Б. Чубайса прозвучало: «Люди поколения премьера Владимира Путина считают, что модернизация возможна лишь в ограниченном масштабе» (Аргументы и факты. 2010. № 45. С. 2).

Все это свидетельствует о том, что российское государство и власть постепенно, но целенаправленно «трансформируются в структуры, высасывающие деньги из граждан и передающие их отдельным компаниям» (Иноземцев, 2010б, с. 47), теряя при этом доверие населения и собственную легитимность с легальностью (Ореховский, 2010, с. 43–45).

Слабым звеном российского общества была и остается *нарастающая потеря управляемости* социально-экономическими и общественными процессами. Симптомов этому утверждению много: от утверждений, что: «с 1999 г. – для России это потерянные годы»; «власть в России легальна, но не легитимна», поскольку ее интересы и действия не согласуются с интересами и потребностями большинства граждан (Ореховский, 2010, с. 43–44); РФ превратилась в государство, в котором около 85% регионов (70 из 83) и более 90% муниципальных образований являются дотационными уже более 10 лет (Модернизация России..., 2010, т. 1, с. 4–6).

Как показал 2010 г., в экономике России появились и полностью дотационные федеральные округа (Балацкий, Екимова, 2010, с. 103–105). Все регионы Южного, Сибирско-

го и Дальневосточного федеральных округов получают дотации из федерального бюджета. В 2010 г. структура распределения дотаций по федеральным округам выглядела следующим образом, %: ЦФО – 13,3; СЗФО – 4,5; ЮФО – 26,2; ПрФО – 10,1; УрФО – 2,6; СФО – 18,2; ДФО – 25,1. Понятно, что хроническая убыточность 85% регионов, 90% муниципалитетов и 3 из 8 федеральных округов не может рассматриваться как нормальное явление или «козни темных сил». Очевидно, что не все благополучно в макроэкономической и общественной среде, поскольку такая ситуация сложилась и продолжает сдерживать общественное развитие, разлагает его, как ржавчина железо.

Причин подобного ухудшения можно назвать много: от трудностей переходного периода до чрезмерно разросшейся коррупции. Но все они лишь незначительная часть одной общей проблемы – *проблемы нарастающей как снежный ком потери управляемости страной, ее социально-экономическим и общественным развитием*. Среди обстоятельств, способствующих развитию этих процессов, выделим три наиболее приближающихся к системным.

Во-первых, ошибочно выбранная теоретико-методологическая основа управления общественным развитием, опирающаяся на догмы и постулаты либерально-рыночных теорий. Институты государства используются не столько для социально-экономического развития и демократизации общественной жизни, сколько для обогащения чиновников и олигархов, социального и политического расслоения российского общества, «закрепления вертикали власти» на всех ее уровнях. Не считаясь ни с мнением населения собственной страны, ни с оценками руководителей развитых стран, руководство федерального центра продолжает «строить капиталистическое рыночное хозяйство» образца конца XIX – начала XX вв. по законам рынка, многие из которых или ушли в историю, или стали «раритетами нынешнего века». К примеру, платное образование (общее и высшее) в том виде, которое

внедряется в российском обществе, сохранилось лишь в некоторых развитых странах; но там оно гарантировано вполне доступным образовательным кредитом. Недостатки пенсионного обеспечения, государственного регулирования цен на приемлемом для большинства населения уровне, создание государственных компаний и корпораций, ставших источником наживы «для избранных» за счет перераспределения доходов населения и рыночных агентов реального сектора экономики осуждались и осуждаются многими. Но реальных изменений, к сожалению, до сих пор не замечается.

Во-вторых, низкая управленческая квалификация государственных и муниципальных руководителей. Формирование команды для управления страной, федеральными округами, регионами и муниципалитетами (Татаркин, 2011, с. 16–19) не по профессиональным и деловым качествам, а по признакам лояльности и преданности первому лицу команды стало нормой, порождая самые эгоистичные пороки в любой управленческой деятельности – вседозволенность и безответственность. Это закономерно порождает массовое развитие коррупции, равнодушие и чванство, чиновничество и холопскую преданность первому лицу команды.

В сложных современных условиях социально-экономического и общественного развития управлять государством, его структурами и органами, имея лишь высшее образование (часто не по профилю управляемого процесса), уже явно недостаточно. Необходимо иметь научно-образовательные и практические навыки управления, знания особенностей объекта управления, умение работать с научными и образовательными организациями, поддерживать и формировать творческую атмосферу среди подчиненных, минимизируя «холопскую» преданность и заискивание, выделяя и поощряя творческих и инициативных работников. Положительное воздействие на формирование и развитие профессиональных качеств чиновников всех уровней могла бы оказать переподготовка и

повышение квалификации управленческих кадров через специальные государственные учебные заведения – Академию народного хозяйства при Правительстве РФ и ее региональные подразделения, Финансовую академию при Правительстве РФ, федеральные университеты по специальным программам с обязательным привлечением опытных специалистов-практиков и ведущих ученых РАН, исследовательских университетов и зарубежных научных центров (Татаркин, 2010, с. 27–30).

Особенно необходимо привлечь общественность и представителей академической и вузовской науки в состав общественных советов при государственных органах (от федеральных и региональных министерств до комитетов и управлений муниципальных образований) и государственных корпорациях для обеспечения общественного контроля работы управленцев и чиновников в интересах большинства населения. Очевидно, было бы полезно активнее использовать общественные советы и общественное мнение для организации и проведения конкурсов на замещение должностей, управленцев и чиновников в государственных и муниципальных органах власти и управления, оптимизации структур этих органов и численности их работников. Пока же и принятые решения о конкурсном замещении государственных и муниципальных должностей и обещания привлекать к управлению общественными процессами на всех уровнях наиболее квалифицированных и общественно ориентированных специалистов остаются лишь обещаниями, не подкрепленными реальными действиями. Именно поэтому многие пороки (массовая коррупция, безответственность, чиновничество, страх перед наукой и научными рекомендациями и др.) государственного и муниципального управления так живучи в российской практике общественного развития.

В-третьих, отсутствие продуманной и поддержанной общественным мнением стратегической программы и приоритетов социально-экономического и общественного

развития в интересах всего российского населения, а не некоторой ограниченной группы увеличивает пропасть недоверия населения к власти и принимаемым ею решениям. Для подтверждения сошлемся на результаты социологического опроса по отношению населения к органам власти.

Проведенный в 2010 г. Аналитическим центром Ю. Левады социологический опрос подтвердил *нарастающее недоверие российского населения к деятельности властных структур всех уровней* (Ореховский, 2010, с. 43). Так, 43% россиян «скорее не чувствуют» себя защищенными от возможного произвола властей, милиции, ГИБДД, работников налоговых служб, судов и прочих государственных структур; «определенно не чувствуют» – 28%. В итоге 71% жителей России полагают, что государство в отношении них может допустить «все что угодно безо всякого на то основания» (именно так общественное мнение воспринимает понятие «произвол»); 47% опрошенных «скорее согласны» с тем, что многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам; 35% российского населения «определенно согласны» с этим. Иными словами, 82% россиян выделяют госчиновников в особое сословие, для которых общие законы не писаны. Этот вывод логически вытекает из первых цифр – действительно, иначе кто же будет все эти безобразия осуществлять.

Но чиновники, по справедливому утверждению П.А. Ореховского, О.В. Гуман-Голутвиной, С.С. Сулакшина и других авторов (Ореховский, 2010, с. 43–51; Проблемы современного государственного управления, 2009, с. 5–48), являются членами общества и имеют различные связи, используя которые можно легко «добиться справедливости» и без которых «определенно невозможно добиться справедливости». 38% участников опроса «скорее не могут» отстоять в России свои права и интересы в случае их нарушения со стороны чиновников, «определенно не могут» – 23%. В итоге 61% российских граждан выразил сомнение в справедливости вердик-

тов российской судебной системы. Лишь 11% опрошенных уверены, что суды принимают решения «по справедливости и в соответствии с законом».

В научной литературе по-разному оценивается сложившаяся в российском обществе ситуация. Одна группа ученых уверена, что государственная власть и действующая система управления соответствуют действующей Конституции РФ и поэтому *легальны, но не легитимны*, поскольку не одобряются и не поддерживаются большинством населения (Ореховский, 2010, с. 43–45). Другие не без основания оценивают партийное и государственное управление в современной России как «негодное», при котором «...негодные экономические решения государства сочетаются с подавленным состоянием общества», причем эти решения «не вписываются в федеральную систему государственного устройства» (Проблемы современного государственного управления, 2010, с. 37–38). Третьи видят суть проблемы в возрастающем «накоплении потенциала макроэкономической нестабильности, за которой может последовать нестабильность политическая»... (Мау, 2010, с. 12). По мнению Д.А. Фомина, «сегодняшняя Россия – это общество обрушенного модерна... Двадцать лет назад Россия вступила в опасный эксперимент... который разорвал единый народ и единую страну на прошлое, настоящее и будущее... он расколол государство, общество, народ, элиту, экономику и глобальный рынок, а образованные расколом лакуны заполнил подозрением, страхом и ненавистью» (Фомин, 2010, с. 143, 147).

Приведенные оценки качества российской власти и системы государственного управления можно продолжить не менее резкими высказываниями и характеристиками, суть которых не только и не столько в несоответствии сложившейся системы государственного управления потребностям общественного развития в интересах всего российского населения. Возрастающая критика беспомощности власти и разлагающейся системы государственного управления на

всех уровнях свидетельствует о необходимости начинать модернизацию общественного развития именно с власти и государственного управления, с тем чтобы, с одной стороны, приблизить их к населению и нацелить на решение приоритетных для общества задач социально-экономического развития (а не дележ бюджета между приближенными группами и группировками (Макаров, 2010, с. 244–254), а с другой – повысить персональную ответственность представителей власти и управления за общественно значимые результаты деятельности.

Сложившаяся архаичность системы государственного управления, часто выраженная в элементарном отсутствии институтов, механизмов и процедур, обстоятельно регламентирующих экономическую, социальную и общественно-политическую жизнь в российском обществе, стала нормой, которая превратилась в питательную основу для произвола и коррупции. Общественное развитие продолжает осуществляться в режиме «ручного управления», по принципам «принадлежности к команде», «по родству», «землячеству», «по знакомству», но не по науке управления большими и сложными общественными системами. Сформированная в последние годы имитация управления общественным развитием, окутанная завесой многочисленных заявлений и призывов «заботы о простых людях», их здоровье, образовании, росте доходов и пенсий, научном и научно-технологическом «рывке» к умной экономике (и достигнуть этого предполагается с негодными управленческими решениями!), собирается на равных конкурировать с ведущими странами на мировом рынке.

Нельзя отрицать формирования и развития отдельных позитивных процессов в российском обществе. Примеры есть, и примеры достаточно обнадеживающие, особенно в последние кризисные годы (Лесков, 2010, с. 6). В Усолье-Сибирском под Иркутском и Железногорске на Енисее построены заводы по производству поликремния, который используется для производства силовой электро-

техники и солнечной энергетики. В Рыбинске начали производить сверхпрочные нанотехнологические сверла и резцы. Около Кисловодска строится первая в России солнечная электростанция, солнечные батареи для которой будет поставлять новый завод в Новочебоксарске (Чувашия). В Уфе запущен завод прецизионных электрохимических станков нанотехнологического уровня. В Свердловской области заработал завод по производству современных тепловозов для ОАО РЖД. В Перми завершается реконструкция завода по производству конкурентоспособных двигателей для гражданских самолетов. Перечень позитивных процессов можно продолжить и дальше, но все это – примеры хаотичного обновления, лишенные единого (объединяющего и нацеленного на конечный результат) стратегического направления обновления экономики, социальной сферы и всего общественного развития. К сожалению, государственные структуры не спешат поддерживать и расширять подобные инициативные ростки модернизации, осуществляемые преимущественно бизнесом и региональной властью.

На федеральном уровне продолжается порочная практика принятия и реализации крайне неэффективных управленческих решений – как социально-экономических, так и политических. Политические решения по переходу на инновационный сценарий развития ограничились созданием инновационных распределителей бюджетных средств (Сколково, Курчатовский центр, Роснано). Колоссальные доходы от экспорта сырьевых ресурсов, полученные страной в благоприятные 2000-е гг., так и не были использованы для реструктуризации и модернизации отечественной экономики и потерялись в бездонной «подушке безопасности». Именно «негодные» управленческие решения на федеральном уровне обусловили увеличение разрыва в доходах населения до критического уровня, разрушили систему доступного медицинского обслуживания населения и резко снизили качество всей системы образования. Обещанное увеличение пенсий хотя бы до 40% средней за-

работной платы так и осталось обещанием. Хуже того: в 2012 и 2013 гг. предусмотрено снижение доли пенсий в среднем заработке работника с 38,1% в 2010 г. и 38,3% в 2011 г. до 37,7% в 2012 г. и 35,8% в 2013 г. (Дмитриева, 2010, с. 34).

Чем может закончиться эксперимент еще более широкого принятия руководством страны подобных управленческих решений – это отдельная тема. В данной же статье хочется обратить внимание на острую необходимость не просто отказаться от нынешних российских пороков и злоупотреблений властью, а заняться модернизацией всей общественной жизни и ускоренно формировать и внедрять обновленные, в том числе и заимствованные, институты социально-политической, экономической и всей общественной жизни по образцам и стандартам цивилизованного мира.

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Считается, что модернизация берет свое содержательное начало от слова «модерн» и знаменует собой достаточно противоречивый, длительный и затратный процесс смены общественного устройства, господствующего способа производства или формы хозяйствования на новый, более эффективный и востребованный большей частью населения. Модернизация всегда и при всех условиях характеризуется сочетанием двух взаимопроникающих процессов. Именно взаимопроникающих, а не взаимоисключающих процессов. С одной стороны, модернизация основана на разрушении старого способа производства и ликвидации неэффективных методов (механизмов, форм, факторов, производств, институтов, кадров) хозяйствования, замене (или обновлении) их на более современные и прогрессивные. С другой стороны, модернизация привносит в социально-экономическое и общественное

развитие *новые, более прогрессивные* способы производства и методы хозяйствования и ведения бизнеса, более конкурентную структуру производства. Она подключает к общественному развитию эффективные институты и источники развития: макроэкономические, региональные, муниципальные, микроэкономические, общественные (коллективистские), индивидуально-личностные (новаторство, предприимчивость, творчество, инициативность) и международные. Модернизация предполагает мучительный и болезненный отказ от некоторых профессий и должностей, предъявляя повышенный спрос на высокообразованных специалистов и руководителей-новаторов. *Модернизация, по существу, процесс освобождения общественного развития от всего лишнего и мешающего развитию.*

В таком понимании модернизация представляет собой *постоянный процесс расширения возможностей социально-экономического и всего общественного развития, использования новых и обновленных институтов и форм отношений между субъектами.* Этот вид (тип) модернизации принято называть и квалифицировать как *институциональную* (точечную, локальную, ограниченную); ее считают необходимой предпосылкой (основой) приведения макроэкономических и других, пока не модернизированных институтов и форм в соответствие с потребностями этапа общественного развития. Институциональные преобразования формируют «критическую массу» в общественном мнении для осознания необходимости проведения *масштабной модернизации* всего общественного устройства или его важных подсистем. Примеры реформ Петра I в России, реформы в РФ последних лет XX – начала XXI в., как и реформы в Китае, Финляндии и других странах, дают основания говорить именно о предлагаемой последовательности модернизации, где роль масштабной модернизации сводится к приведению в соответствие с возрастающими потребностями высокоэффективных рыночных агентов и всех других участников, формированию благоприятных общественно-политических, ма-

кроэкономических, финансово-кредитных и иных условий.

Здесь принципиальным является определение модернизации, которое трактуется в научной литературе достаточно противоречиво: от «процесса, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государств-конкурентов» (Модернизация России..., 2010, с. 67, 105–106) до процесса, который «не может ограничиваться лишь отдельными секторами экономики... или даже всей экономикой, а должен распространяться на все основные стороны жизнедеятельности общества» (Мау, 2010, с. 13). С.Ю. Глазьев под модернизацией понимает переход экономики на наиболее прогрессивный технологический уклад с соответствующей ему инфраструктурой (Глазьев, 2010, с. 7). Г.Б. Клейнер рассматривает модернизацию в единстве трех элементов: а) национального проекта обновления экономического развития; б) непрерывного процесса, направленного на максимизацию конечного результата и осуществляемого в виде отдельных взаимосвязанных процедур; в) социально-экономической и общественно-политической среды, в которой должна развиваться экономика². В.А. Цветков предлагает начинать модернизацию с *прикладной модернизации*, учитывающей сравнительные преимущества российской экономики по схеме: *«добыча углеводородов → транспортировка → переработка → реализация → потребление»* (Цветков, 2011, с. 37). Е.Ш. Гонтмахер рассматривает модернизацию как «освобождение от порочных практик и случайных лиц в процессе формирования прогрессивных институтов развития и их внедрения в российскую практику цивилизованного пространства» (Гонтмахер, 2010, с. 3).

Не вдаваясь в оценку приведенных определений, обратим внимание на системно значимые признаки (особенности) модерни-

² См. материалы заседания Совета по модернизации и выступления членов Совета Hi-com: 2-27-04, e-mail: aira-petianm@yandex.ru.

зации социально-экономического развития (Модернизация, 2006, Т. 1, с. 7–16; Модернизация России..., 2010, с. 105–117; Татаркин, Романова, 2007; Реструктуризация, 2005, т. 1, с. 7, 21, 308–311).

Комплексный и системный характер модернизации предполагает последовательное решение всех взаимосвязанных проблем социально-экономического развития. Модернизации экономики не может быть результативной и законченной без соответствующих изменений в политической, социальной и экологической сферах. Можно сколько угодно наращивать инновационные разработки и торговать ими, но если не будет создана соответствующая инновационно ориентированная среда, эффект от инновационных наработок будут получать другие страны, где это среда сформирована и функционирует.

Целевая направленность модернизации должна быть на общенациональные проблемы, способные консолидировать общество на их решение. Например, можно призывать и ставить задачу наращивать ВВП страны, но если большая часть населения от подобного наращивания получает лишь обещания «благополучия в будущем» или «крохи» с богато заставленного стола чиновников от власти и олигархов, подобная задача мобилизующей и консолидирующей роли никогда не сможет быть выполнена. Не реализована идея удвоения ВВП в 2010 г., не получили поддержки населения призыв перехода «к умной экономике», «искоренению коррупции» и другие не менее значимые для общественного развития призывы и обещания.

Социальная и экологическая направленность модернизации становится приоритетом общественного развития на стратегическую перспективу. С одной стороны, предполагается снизить экологическую нагрузку на окружающую нас природу путем массового внедрения безотходных и малоотходных технологий и производств, всемерно улучшать среду обитания человека и тем самым обеспечивать расширенное воспроизводство окружающей среды. С другой стороны, необ-

ходимо последовательно и неуклонно решать социальные вопросы: повышать доходы и снижать разрыв между богатыми и бедными слоями населения; расширять доступ большей части населения к бесплатным услугам здравоохранения и образования (особенно высшего); обеспечивать повышение продолжительности жизни населения страны, улучшать демографическую ситуацию, формировать систему полноценного воспитания подрастающего поколения в духе новаторского и инновационно направленного отношения к трудовой и производственной деятельности.

Пока эти проблемы не решаются, а если решаются, то под какое-либо политическое мероприятие (выборы, юбилей Победы) и весьма ограниченно, то очень сложно и, пожалуй, бесперспективно пытаться мотивировать население и его отдельные слои активно участвовать в модернизации. С уверенностью можно утверждать, что в данный момент большая часть российских чиновников, корпоративного менеджмента и населения не готовы осознать и воспринять ценности модернизации по причине их «туманности», отсутствия веры в готовность власти проводить модернизацию российской экономики с учетом интересов массы населения и из-за страха за ухудшение своего положения и статуса. В этих условиях возможны два варианта воздействия власти на население. *Первый* – убедить население в целесообразности и выгоды участия в процессах модернизации, предоставив ему возможности изменения статуса, увеличения доходов, карьерного роста, общественного признания и с помощью других позитивных мер. *Второй*, обосновываемый некоторыми авторами и далеко не бесспорный вариант, предлагает власти открыть путь и создать условия новому бизнесу, в том числе и иностранному, который имеет модернизаторскую мотивацию и готов решать поставленные перед ним задачи (Модернизация России..., 2010, с. 113).

Противоречивость модернизации – «разрушение ради созидания» более эффектив-

ных институтов требует «гибкой твердости». Суть этого видится, *во-первых*, в постоянном научном сопровождении модернизации, наполнении ее прорывными научными идеями, разработками и решениями, своевременном и научно обоснованном внесении изменений и корректировок в процесс ее проведения под воздействием внешних и внутренних обстоятельств; *во-вторых*, в повышении направляющей, регулирующей и контролирующей роли государства за всеми модернизационными процессами на всех стадиях процесса; *в-третьих*, важнейшим требованием модернизации должно стать формирование позитивного общественного мнения в отношении модернизации с использованием наряду с другими мерами справедливого распределения доходов от ее проведения между различными слоями населения.

Можно выделить и другие особенности модернизации (ее социальную и экологическую направленность, непрерывность и т.п.), хотя и перечисленные выше позволяют рассматривать ее как систему отношений между всеми субъектами в целях максимизации конечного результата общественного развития путем созидательного использования наиболее передовых (прорывных), инновационно-ориентированных институтов и механизмов социально-экономического и всего общественного развития.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Современный этап модернизации предполагает решение трех взаимосвязанных проблем – непрерывности, системности и результативности модернизации. *Во-первых*, требуется масштабное обновление производства посредством формирования передового шестого и элементов седьмого технологиче-

ских укладов, способных вытеснить с исторической сцены российской экономики малоэффективные четвертый, пятый и даже третий технологические уклады. *Во-вторых*, необходимы кадры, способные обслуживать оборудование шестого и седьмого технологических укладов, которых сейчас нет, и их необходимо готовить. *В-третьих*, освоение передовых технологических укладов и подготовку квалифицированных кадров ИТР, организаторов производства и рабочих, способных эффективно использовать технику и технологии передовых технологических укладов, следует производить путем формирования соответствующей им общественно-политической, социально-экономической, духовно-нравственной и экологической среды.

Новая среда призвана полноценно и ускоренно формировать эффективное функционирование передовых технологических укладов, кадровое их обеспечение и обслуживание в интересах превращения их в решающий источник общественного развития. Повышение мобилизирующей и мотивационной функций общественно-политической и социально-экономической среды в формировании и использовании передовых технологических укладов как важнейшего источника всего общественного развития рассматривается нами в качестве основного побудительного мотива проведения масштабной модернизации.

Можно задать далеко не праздный вопрос: с чего должна начинаться модернизация? На него имеется, как свидетельствует мировая и отечественная практика, фактически однозначный ответ: *с разработки общественного обсуждения и одобрения общенациональной программы модернизации социально-экономического и всего общественного развития*. В ней должны содержаться ответы на три принципиальных группы вопросов.

1. Какие элементы новых технологических укладов, в каких отраслях и видах экономической деятельности должны получить приоритетное развитие, с использованием каких институтов (ГЧП, кластеры, инновационно-внедренческие центры и др.)?

2. Кто должен стать инновационно-активным участником и проводником идей модернизационных процессов в экономике и экологии, социальном, общественно-политическом и духовно-нравственном развитии? Какова должна быть роль государства и его органов в координации усилий участников модернизации, их обучении и обеспечении ресурсами? И важнейший из связанных с этим вопросов – как и на какой учебно-методической базе будут подготовлены и как готовятся в настоящее время специалисты, причем не просто носители, а генераторы и проводники модернизационных идей и проектов?

3. Какова должна быть инновационно-модернизационная среда, способная подключить к модернизации национальную инновационную и образовательно-воспитательную системы, сформировать инновационно-новаторскую культуру поведения, создать макроэкономические и общественно-политические условия развития. Если будет среда и будет соответствующая атмосфера настраивая на модернизацию, то будет и результат.

Для России, как и для других стран, условием успешной модернизации должна стать долгосрочная стратегия использования институтов развития, которые позволят сохранить и приумножить собственный экономический потенциал и обеспечивать устойчивый, сбалансированный и социально-ориентированный рост с увеличивающейся долей новых производств шестого и седьмого технологических укладов. *Во-первых*, данное обстоятельство позволит защитить внутренний российский рынок и отечественного товаропроизводителя от интервенции международного и отечественного спекулятивного капитала, сохранив и расширив источники социально-экономического развития. *Во-вторых*, сформировать и подключить к инновационно-модернизационным процессам макроэкономическую и общественно-политическую среду, способную создать и использовать наиболее эффективные институты развития. К числу последних, требующих стратегической поддержки, необходимо

отнести венчурные и инвестиционные фонды, суверенный фонд, инновационные центры, кластеры, бизнес-территории, институты государственно-частного партнерства, инновационно-ориентированные экономические зоны и некоторые другие. *В-третьих*, подключить к процессам модернизации большую часть населения страны, усилить роль человеческого фактора как в инновационном и новаторском «наполнении» модернизации новыми прорывными идеями и решениями по увеличению производства и повышению его эффективности, так и в поддержании устойчивого и сбалансированного социально-экономического и всего общественного развития (Татаркин, 2010, с. 20–32).

Задача модернизации видится не только в увеличении производства и достижении устойчивого и сбалансированного экономического развития. Это необходимое, но недостаточное условие. Модернизация призвана освободить общественное развитие от всего лишнего и не нужного и, мобилизовав интеллектуальные ресурсы общества, инициативу и предприимчивость населения, организовать массовое производство товаров и услуг повышенного спроса, обладающих повышенной конкурентоспособностью на мировом рынке. Должна изменяться и среда обитания человека, культура и мотивация трудовой и производственной деятельности.

Признавая главным критерием модернизации формирование нового и более прогрессивного технологического уклада, невозможно не отметить возрастающую роль человека – отдельной личности – в инициировании и успешном проведении модернизации общественного развития. Примеры Китая, Сингапура, Финляндии, Индии, Южной Кореи, Бразилии и других стран демонстрируют важную роль отдельной личности в инициировании и проведении модернизационных преобразований, подключении к ним большинства населения. Мотивы и последовательность действия лидеров названных стран разные, хотя логика их действий во многом схожа.

Можно предложить для обсуждения следующую последовательность действий по модернизации.

Разработка долгосрочной стратегии выхода страны на передовые позиции в мировом сообществе, опираясь в основном на собственный потенциал, ресурсные возможности и кадровое обеспечение модернизируемой экономики. В стратегии должна быть заложена понятная и воспринимаемая большинством населения задача и конечный результат проводимой модернизации, роль отдельных социальных групп в ее проведении.

Политические призывы сегодня уже не являются мобилизирующим фактором развития. Чем могут помочь призывы к модернизации, которые не понимаются и не воспринимаются даже элитой общества? К примеру, опрос 900 участников VII Красноярского экономического форума (февраль 2010 г.), а это в основном политики, бизнесмены, общественные деятели, показал следующее. На не допускающий двойного толкования вопрос модератора форума, директора по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики С.В. Алексашенко: «Вы понимаете, что хочет от Вас власть, говоря о модернизации?» – 70% зала ответили «нет» (Кулешов, 2010, с. 35).

Именно поэтому в разрабатываемых стратегиях должны быть установлены не только сроки проведения модернизации, ее этапы и источники, как собственные, так и привлекаемые в разные периоды ее осуществления (Иноземцев, 2010а, с. 6). В них в обязательном порядке должны предусматриваться приоритеты развития базовых отраслей и сфер жизнедеятельности, роль разных слоев населения в их реализации, меры государственной поддержки и др.

Подключение к процессам модернизации всех слоев и большей части населения путем учета их возможностей и потребностей в процессе модернизации и справедливого распределения доходов между всеми слоями общества. Понятно, что справедливость в данном случае понимается как возможность каждого участника модернизационных про-

цессов получать ту часть дохода, которая соответствует его вкладу в реформирование социально-экономического развития. Проблема заключается в том, чтобы уже на начальном этапе модернизации предложить обществу такие условия участия в данном процессе, которые позволили бы каждой социальной группе и каждому человеку найти свое место и осознать свою миссию. В противном случае модернизация не только затянется, но и приобретет свойства «насильственной» (административной). Да и цель ее, если и будет достигнута, то более «дорогой ценой».

О том, что подобные опасения не лишены основания, свидетельствуют многочисленные примеры из практики и оценки специалистов. По мнению директора Института социологии РАН чл.-корр. РАН М.К. Горшкова, «носителями идей модернизации могут стать только те, кто в ней кровно заинтересован: те самые средние слои, которым сейчас фактически “перекрыт выход” наверх и на вольный воздух. И если они в эти идеи не поверят и не будут в них вовлечены, то она останется только в официальных бумагах. Без среднего класса модернизация в России не состоится» (Модернизация России..., 2010, с. 35).

Повышение роли инновационных факторов и новаторских навыков в социально-экономическом развитии. Возможности отдельных стран в решении этой задачи разные: от повышения расходов на образование и развитие отечественной науки до приглашения специалистов из других стран и скупки патентов. При любых обстоятельствах требование повышать образовательный, культурный и интеллектуальный уровень населения (участников модернизации) становится основной потребностью социально-экономического развития. Но для этого необходимо, как минимум, убедить население и особенно государственных и муниципальных руководителей, активных рыночных агентов в общественной и корпоративной приоритетности инновационного сценария модернизации российской экономики и отдельных ее сегментов, всего общественного развития.

В этом вопросе одними политическими призывами население и чиновников от власти и бизнеса не убедить. Нужна достоверная информация и гарантии государства позитивных социальных, экологических и законодательных изменений, способных заинтересовать все население. Крайне необходимо минимизировать теоретико-идеологические разногласия в оценке роли инноваций в проведении масштабной и институциональной модернизации (Фомин, 2010, с. 6), ограничить ценовые (тарифные) и другие «лазейки» для бизнеса (искусственно создаваемые системы посредников, «перекупщиков» и др.) получать возрастающий доход без использования инновационных решений.

Наконец, требуется обеспечить соответствующие потребностям модернизации макроэкономические и идеологические условия функционирования участников модернизационных процессов (Татаркин, 2010, с. 27–30). В перечне требующих улучшения макроэкономических условий не без основания называются инновационно-ориентированное законодательство, доступность кредита и налоговые стимулы для модернизируемых сфер и рыночных агентов (Татаркин, Романова, 2007, с. 23–27). Пока эти условия работают против модернизации, консервируя устаревшую структуру и антимодернизационные институты в экономике, общественное мнение и власть будут сталкиваться с фактами коллективного отторжения любых перемен. Далеко не рядовые жители России – 47,6% участников VII Красноярского экономического форума – высказали сомнение в необходимости проведения модернизации и инновационного сценария развития. Их мнение: *«России не нужен интеллектуальный ресурс, обойдемся углеводородным!»* не столько настораживает, сколько пугает своей циничностью, ограниченностью и безысходностью. С таким «багажом настроений» серьезных программ не реализуешь, да и результата не получишь.

Формирование технико-технологического источника модернизации предполагает укрепление связей бизнеса с наукой в части

разработки и производственного использования новых образцов техники и технологий, соответствующих шестому технологическому укладу, развитие экспериментальной и опытной базы науки и др. Создание финансово-кредитных источников обычно основано на мобилизации внутренних и внешних возможностей (займы, резервы, минимизация существующих расходов и др.). *Если модернизация основана на амбициозных стремлениях работать на опережение (прорыв), она не может ограничиваться догоняющим сценарием.* Но искусство опережения, по справедливому утверждению С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2010, с. 10), состоит в способности участников разглядеть ростки развития до того, как о них просигнализируют рынки.

Реструктуризация экономики с ориентацией на поддержку ускоренного развития тех отраслей и производств, которые составляют основу нового технологического уклада. Оперативное развитие базисных производств шестого и элементов седьмого технологических укладов позволит оперативно сформировать сравнительные преимущества в конкурентной борьбе на национальном и мировом рынках товаров, идей и услуг. В научной литературе активно обсуждаются ключевые направления создания зарождающегося шестого технологического уклада. Высказываются разные мнения как о масштабах, так и о сроках модернизационных изменений. Авторы единодушны в одном: развитие базовых отраслей и производств шестого технологического уклада позволит создать конкурентные преимущества национальной экономики в глобализируемом мире, как минимум, до середины XXI в. Определены и основные (прорывные) направления развития экономики: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии; нанотехнологии; системы искусственного интеллекта; глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы.

Предполагается ускоренно развивать гибкие автоматизированные производства,

космические технологии и системы, производство искусственных материалов с заданными свойствами и некоторые другие.

Должна получить дальнейшее развитие производственная и социальная инфраструктура, способная обеспечить устойчивое функционирование базовых отраслей и производств, гарантирующих ускоренное развитие экономики и расширение их возможностей приращением добавленной стоимости. Последние могут обеспечивать кластерные объединения, развитие кооперационных связей и сервисного обслуживания производимых товаров. Необходимо готовить квалифицированные кадры для базовых отраслей, формировать соответствующую культуру производства и потребления инновационно-емких товаров, регулировать (изучать и готовить рекомендации) внутренний и внешний спрос, обеспечивать научные исследования по приоритетным направлениям науки, развивать и модернизировать социальную сферу и улучшать экологическое состояние общества (Кулешов, 2010, с. 18–28).

В структуре потребления доминирующее место должны занять информационные, образовательные и медицинские услуги, формирование комфортной среды обитания человека. В процессе модернизации должен завершиться переход от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу». Системной особенностью такого общества должны стать показатели качества жизни по всем ее параметрам (продолжительность, образование, уровень дохода и возможности творческого развития), повышение которых и должно стать конечной целью и результатом модернизации общественного развития.

Вопрос качества жизни, или индекс человеческого развития (ИЧР), принято оценивать тремя показателями: ВВП на душу населения, средней продолжительностью жизни и уровнем образованности населения. Если ИЧР равен 0,8 и выше, страна считается экономически развитой. При ИЧР, равным 0,5–0,8, уровень жизни считается средним, а при уровне менее 0,5 страна считается слабораз-

витой (с низким ИЧР). Индекс человеческого развития в России, также как и в других странах бывшего социалистического лагеря, далек от желаемого (Сухарев, 2011, с. 37–40). Это становится сдерживающим фактором модернизации и всего социально-экономического развития. Именно поэтому считаем целесообразным придать модернизации общественного развития социальную направленность, подчинить ее интересам всестороннего развития человека и реализации его возможностей.

Литература

- Балацкий Е., Екимова Н. Финансовая несостоятельность регионов и совершенствование межбюджетных отношений // Общество и экономика. 2010. № 7–8. С. 101–116.
- Глазьев С.Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике // Международная экономика. 2010а. № 5. С. 5–27.
- Глазьев С.Ю. Какая модернизация нужна России? // Экономист. 2010б. № 8. С. 3–17.
- Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2011.
- Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3–11.
- Дмитриева О.Г. Россияне – дырка в федеральном бюджете. Интервью // Московский комсомолец. 2010. 15 окт. С. 4.
- Иноземцев В. Новые технологии и новое государство // Известия. 2010а. 12 окт. С. 6.
- Иноземцев В. Деньги для модернизации // Известия. 2010б. 6 окт. С. 6.
- Иноземцев В. Тому, кому надо // Профиль. 2010в. 8 ноября. С. 47.
- Киндзерский Ю. Институты развития: принципы формирования и проблемы использования в экономических преобразованиях // Общество и экономика. 2010. № 7–8. С. 57–78.

- Кулешов В.В. Модернизация экономики и ее кадровое обеспечение // *Эко*. 2010. № 6. С. 13–35.
- Кучуков Р. Государственный сектор как локомотив модернизации // *Экономист*. 2010. № 9. С. 3–13.
- Лесков С. Граф Калиостро в свете модернизации // *Известия*. 2010. 10 дек. С. 6.
- Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.
- Макарова И.В. Потенциал модернизации машиностроительного комплекса региона. Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2010.
- Мау В.А. Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // *Вопросы экономики*. 2010а. № 2. С. 4–25.
- Мау В.А. Экономический кризис в мире и в России: первые уроки // *Общество и экономика*. 2010б. № 11–12. с. 5–25.
- Модернизация России в контексте глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 3. С. 67, 105–117.
- Модернизация социально-экономического развития муниципальных образований: В 2 т. / Под ред. акад. РАН А.И. Татаркина. М.: Экономика, 2006.
- Набиуллина Э. О приоритетах экономической политики в 2010 году // *Экономист*. 2010. № 6. С. 3–19.
- Ореховский П.А. Модернизация и особенности российской демократии // *Общество и экономика*. 2010. № 7–8. С. 42–56.
- Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. Вып. 7 (28). М.: Научный эксперт, 2009.
- Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели: В 2 т. / Под ред. чл.-корр. РАН А.И. Татаркина. М.: Экономика, 2005.
- Сенчагов В. Способствует ли бюджет 2010 модернизации российской экономики // *Вопросы экономики*. 2010. № 2. С. 26–38.
- Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству на тему: «Законодательное обеспечение создания и реализации проекта «Инновационный центр “Сколково”» // *Инновации*. 2010. № 8. С. 3–24.
- Сусаров А. Таможня «Сколково». Минэкономики обещает упростить таможенные процедуры для высокотехнологичных товаров // *Время новостей*. 2010. 22 окт. С. 3.
- Сухарев О.С. Экономическая политика и развитие промышленности. М.: Финансы и статистика, 2011.
- Татаркин А.И. Интеллектуальный ресурс общества и его роль в воспроизводственном процессе // *Экономика региона*. 2010. № 3. С. 20–32.
- Татаркин А.И. Итоги мирового кризиса: что приобрел мир, и что потеряла Россия? // *Вестник УрО РАН: Наука. Общество. Человек*. 2011. № 1. С. 13–23.
- Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход // *Экономика региона*. 2007. № 3. С. 19–32.
- Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Диалектика формирования и развития саморазвивающихся территориальных экономических систем // *Федерализм*. 2009. № 4. С. 3–27.
- Тодосейчук А. О совершенствовании условий инновационной деятельности // *Экономист*. 2010. № 9. С. 23–37.
- Фомин А. О времени, в котором мы живем // *ЭКО*. 2010. № 2. С. 135–148.
- Цветков В. Основные направления модернизации отечественной экономики // *Экономика региона*. 2011. № 2. С. 39–43.

Рукопись поступила в редакцию 28.04.2011 г.